

Востокъ

ГАЗЕТА КОММЕРЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 28.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ПЯТНИЦАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки 5 руб.

На полгода 3 руб.

Съ доставкою на домъ въ Астрахани и пересылкою въ другіе города:

на годъ 6 руб.,

на полгода 3 руб. 50 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ

вмѣщаемыя въ газетѣ „ВОСТОКЪ“, со строки въ столбцѣ обыкновеннымъ шрифтомъ, которымъ печатается газета—6 к. за одинъ разъ, 10 к. за два раза и 12 к. за три раза; за напечатаніе другими шрифтами и украшенія плата по расчету мѣста.

52 № ВЪ ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ г. Астрахани—въ редакціи газеты „Востокъ“, (на Екатерининской улицѣ, при типографіи и литографіи Е. Н. Лѣсникова); въ Общественной Библиотецѣ и въ магазинахъ: Кузнецова и Одесскомъ (на главной площади.)

Въ Царицынѣ—у Александра Михайловича Шлыкова.

— Саратовѣ—въ магазинѣ Жигина.

— Самарѣ—у Николая Матвѣевича Парыгина.

— Казани—у Девиса Михайловича Кутерина.

— Нижнемъ-Новгородѣ—въ конторѣ гг. Тетюшинова и коми отповѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ Харьковѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Баллиной.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ,
 ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
 ВСЕРОССИЙСКІЙ,
 Царь Польскій, Великій
 Князь Финляндскій,
 и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Любезнѣйшая Племянница Наша Великая Княжна Ольга Константиновна, съ согласія Родителей Ея, Любезнѣйшихъ: Брата Нашего Великаго Князя Константина Николаевича и Невѣстки Великой Княгини Александры Іосифовны, вступаетъ въ бракъ съ Его Величествомъ Королемъ эллиновъ Георгіемъ I-мъ. Изъявивъ и Наме совершенное согласіе на сей брачный союзъ и призывая на оный благословеніе Божіе, Мы, сего дня, въ церкви царскосельскаго дворца, при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, торжественно обручили, по обрядамъ Нашей православной церкви, сію любезную Намъ чету.

Возвѣщая всенародно о такомъ пріятномъ для сердца Нашего событіи, Мы вполне увѣрены, что все вѣрные Намъ подданные примутъ въ немъ участіе съ постоянно отличающимся ихъ чувствомъ непоколебимой приверженности къ Намъ и всемъ Членамъ Императорскаго Нашего Дома.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 26-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова

тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмое, царствованія же Нашего въ тринадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Объ учрежденіи премій преосвященнаго Макарія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго. Преосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій и ахтырскій, пожертвовалъ собранный имъ отъ изданія ученыхъ его сочиненій капиталъ въ 120.000 руб., для выдачи изъ процентовъ съ онаго, послѣ его смерти, преміи его имени за достойныя русскія сочиненія по богословскимъ и свѣтскимъ наукамъ, съ тѣмъ чтобы въ одинъ годъ все проценты отпускаемы были въ распоряженіе свѣтѣйшаго синода для раздачи премій за сочиненія перваго рода, а въ другой годъ поступали въ распоряженіе академіи наукъ, для раздачи премій за сочиненія послѣдняго рода, и чтобы такая очередь соблюдалась всегда и неизмѣнно.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія о вышеизложенномъ, въ 3-й день апрѣля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ премій преосвященнаго Макарія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго.

По предмету разсрочки за соль акциза и взиманія за сіе залоговъ. Министръ финансовъ входилъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ по предмету разсрочки за соль акциза и взиманія за сіе залоговъ, полагая, въ видѣ временной мѣры, впредь до разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ новаго проекта устава о соли, установить, относительно разсрочки платежа акциза за соль, нижеслѣдующее правило:

1. Примѣняясь къ ст. 509 уст. о соли, при вывозѣ соли въ количествѣ не менѣе 10.000 пуд. со всехъ вообще казенныхъ и частныхъ соляныхъ источниковъ давать въ платежъ акциза за соль отсрочку на восемь мѣсяцевъ подъ залоги рубль за рубль, безъ уплаты въ пользу казны установленныхъ ст. 514 процентовъ, подобно тому, какъ сіе установлено по питейному сбору.

2. Частные владѣльцы солеваренныхъ заводовъ сохраняютъ на прежнемъ основаніи, согласно ст. 398 уст. о соли, право пользоваться разсрочкою въ платежѣ акциза съ соли до 4-хъ мѣсяцевъ безъ представленія особыхъ залоговъ, равномерно остается въ силѣ установленный въ примѣчаніи къ ст. 730 уст. о соли порядокъ взноса и разсрочки акциза за соль, вывозимую въ черноморскіе и азовскіе порты.

и 3. При разсрочкѣ акциза съ соли подъ залоги руководствоваться въ отношеніи пріема залоговъ правилами, установленными въ прилож. къ 268 ст. V т. св. зак. уст. о пит. сбор. по продолж. 1863 года.

Ницѣ выпискою изъ журкала комитета министровъ отъ 7-го сего іюня, за № 749-мъ,

сообщено министру финансовъ, что комитетъ полагалъ заключеніе его по сему дѣлу утвердить и что Государь Императоръ, въ 30-й день мая 1867 г., на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

(См. Поч.)

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

РАЗСТРѢЛЕНІЕ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА.

Парижская газета „Figaro“ сообщаетъ о приговорѣ и казни надъ императоромъ Максимилианомъ въ Кверетаро слѣдующій разсказъ:

„...Мы должны сначала—говорить „Figaro“—объяснить промедленіе на 34 дня, которымъ было въ столь сильной степени взволновано общественное мнѣніе. Первый журьеръ, привезшій извѣстіе о взятіи императора Максимилиана въ плѣнъ, прибылъ въ Санъ-Луисъ только 7-го (19-го) числа. Приказанія президента получены здѣсь 10-го (22-го), и императору было объявлено, что онъ долженъ явиться къ военному суду. Онъ протестовалъ письменно, требуя суда отъ палаты именитыхъ лицъ, призваннхъ его на тронъ. Процессъ былъ приостановленъ, и къ президенту послано письмо императора съ захваченными бумагами. Отвѣтъ полученъ только 18-го (30-го). То былъ отказъ, основанный на томъ, что палата именитыхъ лицъ не была созвана главой республики; впрочемъ президентъ предлагалъ сохранить императору жизнь, если онъ дастъ клятву никогда не вступать на мексиканскую почву и вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ подпишетъ свой отказъ отъ престола. Максимилианъ, не колеблясь, изустно принялъ это двойное условіе, если вмѣстѣ съ нимъ будутъ освобождены бывшіе при немъ офицеры и солдаты. Судьба Кастильо и Авельяно тогда еще была ему неизвѣстна. И на это требованіе послѣдовало согласіе; однако оно было поводомъ къ новымъ переговорамъ, оставшимся безъ послѣдствій (?). Военный судъ собрался въ тайномъ засѣданіи 30-го мая (11-го іюня), подъ предсѣдательствомъ генерала Корона, ассистентами котораго были генералы Эскобедо, Мартинесъ, Руисъ, Негрете и два полковника. Трое обвиненныхъ были приведены къ суду. Максимилианъ отказался отъ всякаго защитника; Миромонъ и Мехіа избрали одного для себя обоихъ. Мы не могли узнать подробностей о засѣданіи, продолжавшемся не болѣе часа. Приговоръ, отправленный въ тотъ же день, былъ возвращенъ только 6-го (18-го) утромъ. Увѣряли, что президентъ склонился къ помилованію, но что мнѣніе посланника Мексики въ Вашингтонѣ, Ромеро, взяло верхъ и было поводомъ къ приказанію о казни, не смотря на то, что было поставле-

но на видъ слабое большинство, утвердившее приговоръ. Генераль Корона, тотчасъ по полученіи подлежащаго документа, сообщилъ о немъ тремъ плѣнникамъ. Они не обнаружили никакого удивленія, такъ какъ отъ нихъ нельзя было долѣе скрывать участь остальныхъ. Максимилианъ ограничился только требованіемъ, чтобы ихъ оставили вмѣстѣ до послѣдняго часа, что и было исполнено. Ихъ препроводили въ бывшій монастырь, который служилъ для французовъ госпиталемъ, такъ какъ нижній этажъ его былъ удобенъ и просторенъ. Алтарь (то была погребальная капелла) былъ поставленъ въ глубинѣ темницы. Часовымъ было приказано застрѣлить каждаго, кто войдетъ или выйдетъ безъ позволенія капитана Гонсалеса. Впрочемъ никого и не впускали, кромѣ аббата Фишера, капеллана и духовника Максимилиана. Нѣсколько позже пріѣхалъ епископъ Кверетаро, съ предложеніемъ своихъ духовныхъ услугъ, которыя и были приняты плѣнниками послѣ кратковременнаго между ними совѣщанія. Ночь прошла въ тихихъ разговорахъ: они исповѣдывались. Миромонъ тяжело страдалъ отъ своей глазной раны, которую освѣжалъ холодной водой. Мехіа заснулъ глубокимъ сномъ. Максимилианъ потребовалъ бумаги и чернилъ. Прошло нѣсколько времени въ поискахъ за этими предметами среди ночи. Онъ написалъ два письма: одно на нѣмецкомъ языкѣ, къ эрцгерцогинѣ Софіи, своей матери, другое—къ жевѣ. Онъ передалъ оба письма епископу, съ просьбой доставить ихъ по адресу. Онъ приложилъ локонъ волосъ, который отрѣзала у него жена одного изъ тюремщиковъ; поцѣловавъ этотъ локонъ, онъ положилъ его въ пакетъ, уже запечатанный. Около четырехъ часовъ, Максимилианъ пожелалъ выслушать мессу; она была прочтена епископомъ. Мехіу разбудили, и всѣ трое приобщились св. таинъ. Кажется, что послѣ мессы императоръ долго простоялъ на колѣняхъ на голомъ камнѣ: молитвеннаго аналоя не нашлось. Онъ прикрывалъ себѣ глаза и лицо руками. Незавѣстно, молился онъ или плакалъ. Миромонъ былъ блѣденъ и унылъ. Мехіа былъ въ восторгѣ: не забудемъ, что онъ—индеецъ, и что для него славное дѣло умереть, какъ онъ говоритъ, со своимъ господиномъ.

„Пробило 7 часовъ; послышалась музыка процессіи, и капитанъ Гонсалесъ вошелъ, съ повязками, въ капеллу. Миромонъ далъ себѣ завязать глаза, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія. Мехіа не хотѣлъ покориться этому, и когда капитанъ попытался силой побѣдить его сопротивленіе, то епископъ сказалъ нѣсколько словъ генералу, послѣ чего тотъ далъ завязать глаза. Но императоръ объявилъ, что онъ этого не допуститъ. Гонсалесъ, послѣ минутнаго колебанія, поклонился императору, и сталъ въ главѣ конвой. Процессія тронулась. Ее прикрывалъ

эскадронъ уланъ; затѣмъ слѣдовала музыка, игравшая похоронный маршъ. Баталіонъ пѣхоты, подъ ружьемъ, былъ разставленъ шпалерами, въ двѣ шеренги, по 4 ряда въ каждой. Когда шествіе достигло до большихъ госпитальныхъ воротъ, то Мехіа сказалъ очень громко: „Государь, покажите намъ въ послѣдній разъ примѣръ вашего благороднаго мужества; мы слѣдуемъ по стопамъ вашего величества!“ Въ эту минуту проходили францисканцы: первые двое несли крестъ и святую воду, прочіе шли со свѣчами. Каждый изъ трехъ гробовъ несли четыре индійца; за ними слѣдовали три черные креста, съ скамьями, для казни. Тогда Гонсалесъ подалъ Максимилиану знакъ выходить. Императоръ смѣло приблизился, сказавъ обоимъ генераламъ слова: „Vamos à la libertad!“ (Идемъ къ свободѣ!) Процессія медленно приближалась къ кладбищу, слѣдуя по улицѣ водопровода. Вскорѣ процессія достигла ограды кладбища. Впереди шелъ императоръ, справа отъ него—аббатъ Фишеръ, слѣва—епископъ. За ними слѣдовалъ, поддерживаемый двумя францисканцами, Миромонъ и Мехіа—между двумя патерами отъ Санта-Крусса. Когда дошли до вершины холма, то Максимилианъ пристально посмотрѣлъ на восходящее солнце. Тогда онъ вынулъ свои часы, пожалъ пружину, скрывавшую миниатюрный портретъ императрицы Шарлоты. Онъ прижалъ его къ устамъ своимъ и сказалъ аббату Фишеру, подавая ему цѣпочку: „Передайте это на память моей возлюбленной жевѣ въ Европѣ, и если когда нибудь она будетъ въ состояніи понимать васъ, то скажите ей, что мои глаза смыкаются съ ея образомъ, который я беру съ собою, въ горнія обители“. Шествіе достигло до одного мѣста, близъ толстой наружной стѣны кладбища; глухо гудѣли погребальные колокола. Присутствовали только участвовавшіе въ процессіи, такъ какъ путь былъ прегражденъ для толпы, чтобы она не могла взойти на возвышеніе. Три скамьи съ досчатыми крестами были приставлены къ стѣнѣ; три командированныхъ отряда, состоявшіе каждый изъ пяти человекъ, при трехъ резервныхъ унтеръ-офицерахъ, подошли къ приговореннымъ на разстояніе трехъ шаговъ. Когда императоръ замѣтилъ движеніе ружей, то онъ думалъ, что готовятся стрѣлять, и быстро подошелъ къ обоимъ своимъ товарищамъ, которыхъ обнялъ съ трогательной горячностью. Миромонъ упалъ въ изнеможеніи на скамью, гдѣ и остался неподвижно; францисканцы скрестили ему руки на груди. Мехіа, рыдая, отвѣчалъ на объятіе Максимилиана съ словами, которыхъ никто не слышалъ; тогда онъ скрестилъ руки на груди и ожидалъ казни стоя. Епископъ, приблизившись къ Максимилиану, сказалъ: „Государь, дайте, въ лицѣ моемъ, всей Мексикѣ поцѣлуй примиренія; простите ваше величество въ послѣднюю

минуту все!“ Императоръ, видимо и глубоко взволнованный, далъ себя обнять и молчалъ. Затѣмъ онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Скажите Лопесу, что я прощаю его измѣну; скажите всей Мексикѣ, что я прощаю ея преступленіе“. Затѣмъ его величество пожалъ руку аббату Фишеру, которому измѣнили голосъ, и онъ упалъ къ ногамъ императора и цѣловалъ его руки, обливая ихъ своими слезами. Многіе изъ окружавшихъ плакали; Максимилианъ тихо отнял свои руки и, сдѣлавъ шагъ впередъ, сказалъ твердымъ голосомъ, но съ горькой улыбкой, командовавшему офицеру, который распоряжался казнью: „A la dispacion de usted“ (Къ вашимъ услугамъ). Въ ту минуту, когда по знаку, данному шпагой, ружья были приставлены къ его груди, онъ прошепталъ нѣсколько словъ по нѣмецки, и, при грохотѣ выстрѣловъ, зрители были покрыты облакомъ дыма. Мирамонъ тяжело скатился на землю, какъ пораженный молніей. Мехиа оставался на ногахъ и кружилъ руками по воздуху. Выстрѣлъ въ упоръ къ его уху кончилъ его жизнь. Императоръ упалъ на крестъ, къ которому прислонился; его тотчасъ же подняли и положили, также какъ и обонхъ генераловъ, въ гробъ. Погребеніе послѣдовало тотчасъ же на кладбищѣ, и епископъ прочелъ разрѣшительную молитву...

„Генералъ Корона призвалъ епископа и потребовалъ отъ него предьявленія писемъ. Письмо къ эрцгерцогинѣ Софіи оставлено не тронутымъ: оно было адресовано къ матери приговореннаго и не могло заключать въ себѣ ничего опаснаго. Письмо къ императрицѣ Шарлотѣ было вскрыто по важнымъ политическимъ причинамъ, и секретарь могъ списать съ него копию. Вотъ текстъ его, въ переводѣ съ французскаго подлинника:

„Моя возлюбленная Карлотта! Если Богу будетъ угодно послать тебѣ когда-нибудь исцѣленіе и ты прочтешь эти строки, то узнаешь всю жестокость судьбы, поражающей меня безопадно съ самаго твоего отъѣзда въ Европу. Ты унесла съ собою мое счастье и мою душу. Зачѣмъ не послушался я твоего голоса!... Столько событій — увъ! — столько внезапныхъ ударовъ сломили связь надеждъ моихъ, и смерть для меня счастливое освобожденіе, а не агонія. Я умру со славою, какъ солдатъ, какъ государь побѣжденный, но не обезчещенный... Если твои страданія слишкомъ сильны, если Богъ вскорѣ призоветъ тебя соединиться со мною, то я благословлю Его божественную руку, отяготившую надъ нами... Прости... прости!...

Твой бѣдный Максъ.“
(Сво. Почт.)

4 ІЮНЯ 1867 г. ВЪ ЕНОТАЕВСКѢ.

Еще 29 мая городъ Енотаевскъ жилъ обьеденнымъ чередомъ, хотя въ это время

Россія была взволнована уже извѣстіемъ о посягательствѣ на жизнь Государя Императора, совершившимся въ Парижѣ, 25 мая, и о чудесномъ спасеніи этой драгоценной для всей Россіи жизни. 30 мая получено было и въ нашемъ городѣ официальное извѣщеніе объ этомъ событіи и въ нѣсколько мгновений распространилось по всему городу. Вся масса жителей его, потрясенная и радостно взволнованная столь очевиднымъ покровительствомъ Промысла надъ жизнью Государя, быстро сошлась въ мѣстную соборную церковь, которая не могла даже вмѣстить въ себѣ всего сошедшагося народа. И какъ единомысленна и горяча была молитва наша! Въ ней выражалась вся безграничная преданность и любовь русскаго народа къ своему обожаемому Государю и горячая благодарность во Всеблагому Провидѣнію...

По окончаніи торжественнаго молебствія, переполненное патриотическое чувство еще требовало себѣ выраженій, а потому гражданами города и мѣстными чиновниками положено было единодушно отпраздновать знаменательный день вторичнаго, чудеснаго спасенія жизни Государя Императора, общимъ народнымъ праздникомъ, который и устроить въ слѣдующее воскресенье, т. е. 4 іюня, въ день Св. Живоначальной Троицы. Мѣсто для этого праздника выбрано было на площади, между домами г-жи Лаврентьевой и купца Жильцова. Немедленно сдѣлана была большая палатка, въ видѣ павильона, украшенная зеленью, какъ для настоящаго торжества, такъ и по общему русскому обычаю, существующему въ день Св. Троицы; кромѣ того нѣсколько десятковъ разноцвѣтныхъ флаговъ, развѣшанныхъ между деревьями, декорировали павильонъ. Въ день праздника огромное число народа изъ окрестныхъ селеній, вмѣстѣ съ своими представителями, — волостными старшинами и сельскими старостами, — съѣхалось въ городъ, чтобы, вмѣстѣ съ нами, почтить общенародный и храмовой нашъ праздникъ. Погода, бывшая дотолѣ весьма неблагоприятною, на 4 іюня подарила насъ однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ дней, какіе рѣдко можно встрѣтить у насъ, на югѣ. По окончаніи литургіи, часовъ около 12-ти, толпы народа начали сходиться на площадь къ палаткѣ, гдѣ было выставлено отъ здѣшняго виноторговца Н. Т. С., бесплатно, нѣсколько десятковъ ведеръ водки и приготовлена закуска. Первая чарка, при громкомъ „ура“ и народномъ гимнѣ, была выпита за здоровье и благоденствіе Виновика торжества и Его царственнаго Дома. Картина была великолѣпная: въ палаткѣ стоялъ портретъ Государя, украшенный живыми цвѣтами; съ боковъ отсвѣчивалась зелень и гирлянды, а вокругъ волновалась масса народа, разодѣтая по праздничному, и все это подъ открытымъ небомъ, залитое лучами южнаго солнца. — Неумолимое „ура“! повторялось ежеминутно. Къ 3-мъ часамъ, въ

обширныхъ комнатахъ купца Жильцова приготовленъ былъ обѣдъ, на который, кромѣ мѣстныхъ чиновниковъ и купечества, приглашены были и волостные старшины енотаевского уѣзда, какъ государственныхъ крестьянъ, такъ и крестьянъ собственниковъ. Надобно было удивляться — какъ распорядители торжества сумѣли и смогли, и, судя по краткости времени и потому, что все относящееся до декоративныхъ частей и сервировки стола нужно было выписать изъ Астрахани, какъ успѣли устроить все съ такимъ вкусомъ, какого и невидано было дотолѣ въ Енотаевскѣ. Въ домѣ Жильцова поставленъ былъ портретъ Государя Императора, увитый зеленью и цвѣтами, — зеленью же и гирляндами были украшены стѣны и роскошно сервированные столы.

Къ 3-мъ часамъ комнаты быстро наполнились приглашенною публикою, соединенною на этотъ разъ общими чувствами преданности и любви къ своему Царю-Освободителю. По прибытіи всѣхъ, торжество было открыто гимномъ „Воже Царя храни“, который пропѣли всѣ присутствовавшіе, а во все продолженіе обѣда, нарочно выписанный оркестръ игралъ народныя русскія пѣсни. При окончаніи обѣда, когда предложенъ былъ первый тостъ за здоровье Государя Императора, громкое „ура“ присутствующихъ слилось съ мотивами народнаго гимна и было повторено толпою народа, стоявшею внѣ дома. Шапки, шляпы и платки полетѣли къ верху... Видно было, что въ эту минуту русскій народъ былъ — одинъ человекъ. Затѣмъ были провозглашены тосты за здоровье Государыни Императрицы, Наслѣдника, Супруги Его и всего Царствующаго Дома. Между тѣмъ народный гимнъ раздавался непрерывно и замѣнилъ собою всѣ музыкальныя исполненія. Все это продолжалось до 9-ти часовъ вечера. Тихій, лѣтній вечеръ и наступившая ночь дали возможность иллюминировать павильонъ со всею возможною роскошью; такая оказалась доступною въ Енотаевскѣ. Въ 10-ть часовъ, по окончаніи фейерверка, дамы въ бѣлыхъ платьяхъ, въ сопровожденіи мушницъ, перешли изъ комнатъ въ павильонъ и тутъ, вмѣстѣ съ народомъ, предъ портретомъ Государя, великолѣпно освѣщеннымъ, были исполнены опять народный гимнъ. Но этимъ еще не закончилось торжество. Часовъ около 12-ти ночи процессія, состоявшая изъ дамъ и мушницъ, въ сопровожденіи массы народа, отправилась изъ палатки къ вензелю Императора и Императрицы, украшенному флагами и разноцвѣтными фонариками, и по исполненіи здѣсь нѣсколько разъ гимна, уже поздно ночью стала расходиться по домамъ. Каждый унесъ въ сердце своемъ трогательное воспоминаніе о днѣ 4 іюня.

Замѣтка о нѣкоторыхъ ядовитыхъ и мнимо-ядовитыхъ паукахъ астраханской губерніи. (*)

III.

Третій замѣчательный паукъ, встрѣчающійся изрѣдка по всемъ мѣстамъ Астраханской губерніи и частію Саратовской, преимущественно же въ киргизскихъ степяхъ, есть — такъ называемая здѣсь фаланга (*Galaedodes aganacoides* Pall), или, вѣрнѣе, сольпуга (отъ прежняго латинскаго названія). Паукъ этотъ мало извѣстенъ въ Россіи, такъ какъ на сѣверъ онъ не распространяется далѣе здѣшней губерніи; кромѣ того на Кавказѣ водятся еще другой видъ сольпуги.

Животное это однимъ своимъ видомъ способно внушить, если не отвращеніе, то, по крайней мѣрѣ, сильное недовѣріе къ себѣ. Представьте себѣ длиною въ вершокъ, или нѣсколько болѣе, паука, свѣтло-рыжаго цвѣта, обросшаго длинными, жесткими щетинками и волосками, торчащими во всехъ направленіяхъ, и быстро двигающагося на своихъ долгихъ, странно изогнутыхъ ногахъ. Вѣроятно эта отталкивающая наружность послужила причиною установившагося мнѣнія о вредности этого животного.

При первомъ взглядѣ на сольпугу прежде всего бросается въ глаза большая, сравнительно съ величиной животнаго, голова (вѣрнѣе голово-грудь), которая къ переди оканчивается массивными челюстями, наполняющими птичій клювъ; въ спокойномъ состояніи концы челюстей перекрещиваются. Они служатъ органомъ для лова добычи и на внутреннихъ своихъ краяхъ усажены сильными, роговыми зубами, посредствомъ которыхъ пойманная добыча быстро разгрызается и потомъ препровождается въ ротъ. Сольпуги питаются не только крупными насѣкомыми, (преимущественно изъ породъ саранчи, которыхъ въ степяхъ множество), но даже и небольшими позвоночными животными, напр. ящерицами. При этомъ нужно замѣтить, что они не высасываютъ свою добычу, какъ дѣлаютъ это большинство пауковъ, а буквально ѣдятъ ее.

Не смотря на свою отвратительную наружность, сольпуга вовсе не ядовита. Челюсти ея не имѣютъ ялопроводныхъ каналовъ, какъ у тарантула; болѣе же у этого животнаго нѣтъ никакихъ органовъ, отдѣляющихъ ядъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ изслѣдованія натуралистовъ и путешественниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, (***) тѣмъ болѣе, что сольпуги не составляютъ рѣдкости въ западной Европѣ, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ Италіи и Испаніи. Странно только, что Палласъ раздѣлялъ общепринятое мнѣніе о ядовитости сольпугъ; такъ напр. описывая, въ своемъ путешествіи, животныхъ встрѣчающихся около Царицина, онъ между прочимъ говоритъ: „вреднѣйшее

и опаснѣйшее изъ оныхъ есть фаланга, которая какъ въ Царицинѣ, такъ и въ Сарептѣ начинаетъ показываться въ домахъ. Дважды находилъ я ихъ въ своемъ жильѣ и во время моего пребыванія въ Царицинѣ въ комендантскомъ домѣ ихъ было убито нѣсколько, и только разъ былъ случай, что одинъ человекъ, вслѣдствіе своей неосторожности, былъ ужаленъ этимъ животнымъ, однако-же вредныхъ послѣдствій не было и боль скоро утишилась, при помощи деревяннаго масла. Д-ръ Виръ въ Сарептѣ также много разъ излѣчивалъ укушенныхъ этимъ животнымъ, посредствомъ масла и другихъ лекарствъ. Однако-же нѣтъ ни какого сомнѣнія, что ядъ этого паука бываетъ смертеленъ, въ томъ случаѣ, когда не будутъ во время употребленія лекарства.“

Само собою разумѣется, что сольпуга своими челюстями можетъ сильно кусаться, однако-же большаго вреда отъ этого, какъ предполагалъ Палласъ, быть не можетъ.

К. Зе—хъ.

ФЕЛЬЕТОУЪ.

ИЗЪ САДОВОЙ УЛИЦЫ.

Еже писахъ—писахъ.

А что, читатель, я думаю, при одномъ взглядѣ на заглавіе настоящихъ замѣтокъ, ты уже позабывалъ мнѣ? — Обыватель Садовой улицы! Что за роскошь при тропическихъ жарахъ Астрахана нѣжиться прохладой, дышать чистымъ воздухомъ, любоваться зеленѣющей вокругъ себя природой, слушать щебетанье пташекъ и пташечекъ! Счастливы эти обыватели Садовой улицы! Вотъ вѣдь пошлетъ же Богъ такую благодать; а мы, дескать, грѣшныя, печемся ежечасно — и дено и ношно, — какъ въ раскаленной камenkѣ, въ пресловутыхъ — полицейскихъ и тому подобныхъ улицахъ. Правду сказано: овому талантъ, а овому нѣтъ ничего. — Грѣхъ, читатель, грѣхъ завидовать! Вспомни, что еще покойный Еженъ Сю помѣтилъ зависть въ числѣ семи смертныхъ грѣховъ. Да если сказать тебѣ отъ души все, что можно сказать про нашу улицу, тогда и завидовать-то будетъ нечему, а напротивъ, ты же первый пожалѣешь насъ, садовцевъ. Есть мудрое изъ мудрыхъ изрѣченіе: не смотри на наружность. Точно также можно сказать: не суди по названію. Наша Садовая улица хотя, и по плану и по приколоченной на одномъ концѣ ея дощечкѣ, носитъ названіе Садовой, но, повѣришь-ли, въ ней во всей не насчитать и пяти деревъ. Вотъ тебѣ и Садовая! Почему-же дано ей такое названіе? спрашиваешь ты. — Да такъ себѣ: нарекавшему имена улицъ пришла фантазія, чтобы наша называлась Садовой, — ну и стала Са-

довая. Не предупреждалъ-ли я тебя, читатель, чтобы ты не судилъ по названію. Вотъ тебѣ на лицо и подтверждающій фактъ. Также точно я сейчасъ доложу тебѣ, что въ нашей Садовой духота отъ жаровъ не меньше вашей, что дышать чистымъ воздухомъ намъ не полагается, что зеленѣющей природы въ Садовой улицѣ никогда не имѣлось, и что слушаемъ мы дѣйствительно музыку природы, но не сладкозвучное пѣніе соловьевъ и не мелодическое щебетанье птичекъ, а весьма негармоничное, наводящее тоску, кваканье лягушекъ въ соедѣнныхъ болотахъ. Ты пожалуй не повѣришь мнѣ, читатель? Ну, испытай самъ, самъ пройди по нашей Садовой улицѣ и я надѣюсь, что вполне убѣдишься во всехъ прелестяхъ нашей безискусственной природы. Только вотъ что: я, какъ добрый христіанинъ, долженъ предупредить тебя: ради самосохраненія, не ходи по нашей улицѣ въ сумеркахъ, а тѣмъ паче ночью; иначе рискуешь или прошибить себѣ лобъ объ уголь дома, или содрать кожу со всей своей физиономіи, или попасть чуть не поколѣно въ какую нибудь трясицу, и чего добраго, еще въ болѣе благоуханное мѣсто, или же забраться въ такой буеракъ, изъ котораго не скоро выдерешься. — Вижу, что предостереженія мои ты принимаешь очень недовѣрчиво, — но послушай, что я скажу тебѣ дальше. Наша Садовая улица оригинально прихотлива: при входѣ въ нее, глазамъ твоимъ представляется строенія, стоящія прямо поперегъ улицы и дороги. Для чего онѣ расположились такъ, мнѣ неизвѣстно; можетъ быть для нагляднаго обученія юношества Садовой улицы той геометрической теоремѣ, по которой прямая линія, пересѣкающая прямую же подъ прямымъ угломъ, всегда бываетъ одна къ другой перпендикулярна, а можетъ быть и для другихъ какихъ либо надобностей; знаю только то, что въ темнотѣ, а особливо нашему брату недалезорному, очень легко, вмѣсто безопаснаго шаганья по срединѣ улицы, попасть прямехонько всей своей личностью въ стѣну дома или заборъ двора и, — само собою разумѣется, испытать удовольствіе видѣть загорѣвшимися вдругъ десять тысячъ огней, или же изъ бѣлолицаго сдѣлаться нѣголицымъ, а то, при счастіи, получить и оба удовольствія вмѣстѣ. Нужно быть искуснымъ топографомъ или обывателемъ Садовой, чтобы пройти безмятежно по нашей улицѣ отъ одного конца до другаго. Но этимъ не ограничиваются испытанія смѣльчака, дерзнувшаго прогуляться по нашему *пришептку*. Когда у васъ, читатель, въ полицейской, московской и другихъ улицахъ облакомъ виситъ въ воздухѣ пыль отъ проѣзжающихъ и пѣшеходовъ, въ то время въ нашей Садовой стоятъ... истые пруды, только не съ рыбами, а съ маріадами инфузорій, и жаль, тысячу разъ жаль, что между нами не поселится какой-нибудь Эренбергъ или въ родѣ того. Можете посудить,

(*) См 25 и 26 №№ «Востока».

(**) Подобныя анатомическія изслѣдованія объ этомъ животномъ были произведены въ 1848 г. проф. М. Киттары.

въ какой степени развита у насъ гимнастика ногъ, долженствующихъ ежеминутно выдѣлывать ухарскія *па* и отчаянныя салтомортале, чтобы, елико возможно безопасно, перебраться съ одной стороны улицы на другую! А воздухъ? Ну и воздухъ хорошъ, а особенно въ то время, когда наши самородные пруды пригрѣтъ хорошенько солнышко и они вспучатся, какъ прокислое молоко въ горшкѣ. Благоуханіе да и только! Вотъ тебѣ, какъ на ладони, наша блаженная жизнь, которой ты было позавидовалъ, читатель! Вотъ тебѣ и Садовая улица! Но, можетъ быть, тебѣ вздумается спросить меня, почему-же мы, садовцы, не замащиваемъ свою улицу, чтобы черезъ то сдѣлать и ее проходимою, безъ всякихъ автраша, да и воздухъ поочистить, осушивъ наши не пролазныя болота? Почему?... Да потому, что беремъ примѣръ съ тебя, живущаго въ полицейской, московской или иной подобной улицѣ. Много-ли у тебя мостовыхъ-то? Да гдѣ же онѣ, покажи-ко мнѣ ихъ! Правда, въ послѣднее время ты немножко поразмялся въ этомъ дѣлѣ: помню я, бывши еще мальчикомъ, лѣтъ около 30 тому назадъ, помню, какъ у городской крѣпости были навалены груды дикаго камня, предназначавшагося, какъ слышалъ я тогда, на мощеніе астраханскихъ улицъ; точно также вижу я теперь груды этого-же камня, но уже въ самыхъ улицахъ и при томъ мелкодробитого и тоже, какъ говорятъ, предназначеннаго для мостовыхъ. Но скоро-ли осуществляются на самомъ дѣлѣ эти мостовыя—я не знаю; скажу только тебѣ, что въ этомъ случаѣ ты слишкомъ ревностно придержишься системы пресловутаго Фабія Кунктатора. Впрочемъ я не виню тебя: вѣдь надо-же было прежде слѣдовать изслѣдованію и опыты геологическіе, потомъ топографическіе, за сямъ инженерныя, далѣе строительныя, и эти-то послѣдніе ты, кажется, продолжаешь и до сихъ поръ; нужно было составить смѣты, проекты, планы, профили, разрѣзы; необходимо было посоветоваться съ инженерами, топографами, геологами, хотя во все это время, проходя по твоимъ улицамъ, мы должны были вязнуть, да вязнемъ и доселѣ въ грязи и терять зрѣніе отъ фѣдной пыли. Но что-жъ до этого за дѣло тебѣ, читатель, живущій на московской, полицейской и другихъ подобныхъ улицахъ! Въ утѣшеніе себѣ и въ очищеніе своей совѣсти ты разсуждаешь, что нашей будущей мостовой—не стыдно будетъ лвиться хоть въ академію на смотръ. Ты требуешь, чтобы мы мостили свою Садовую, а между тѣмъ самъ почти въ тридцать лѣтъ едва только успѣлъ перетолочь камень, да перевести его съ мѣста на мѣсто. Не мудрено послѣ этого, что ты станешь хвалиться и освѣщеніемъ своихъ улицъ, тогда какъ нашу просвѣщаетъ, какъ глазъ Полифема, единственный фонарь, стоящій стражемъ нашей общественной безопасности, посреди

отъ обѣихъ концовъ улицы? Что-же будешь съ тобой дѣлать? За тобой намъ неугоняться!.. А вотъ, если ты добрый сосѣдъ, то по-дѣлись-ка изъ своего избытка нашему убожеству: распорядись прислать намъ хоть еще парочку другую фонариковъ; за что мы, садовцы, сказали-бы тебѣ большое спасибо; вѣдь у тебя этого добра не занимать стать; есть даже и такія счастливыя мѣстности, гдѣ на пространствѣ какихъ нибудь десятковъ сажень горитъ десятокъ, а то и больше фонарей. Но объ этомъ предметѣ я толкую съ тобой когда нибудь въ другое время; а теперь позволь пожелать тебѣ, какъ доброму сосѣду, поскорѣе начать и окончить свои мостовыя: хоть чужимъ добромъ мы любоваться будемъ, если сами не въ состояніи сдѣлать что нибудь подобное. Да и куда намъ! Куда суконному рылу да соваться въ панской рядъ! Врядъ-ли и внуки внуковъ нашихъ будутъ имѣть хотя какую нибудь мостовую въ нашей Садовой улицѣ, а особенно, читатель съ московской, полицейской и другихъ улицъ, если будутъ брать примѣръ съ тебя.

Обыватель Садовой улицы.

О томъ какъ Козла за напраслину наказали диньками.

Анекдотъ, который хочу разсказать, переданъ мнѣ очевидцемъ и есть истинное происшествіе, совершившееся лѣтъ десять тому назадъ, положимъ въ городѣ А.—Онъ свидѣтельствуетъ о тупоуміи и странной обидчивости нѣкоторыхъ офицеровъ *добраго стараго времени*, безграмотныхъ и выслужившихся изъ нижняго званія. Офицера, о которомъ идетъ рѣчь, я зналъ лично: онъ былъ страшно занятъ своимъ званіемъ, а между тѣмъ раболѣпствовалъ передъ начальствомъ и съ великимъ трудомъ могъ подписывать свою фамилію. Отъ начальства онъ готовъ былъ съ покорностію перенести всякія обиды, но немогъ простить животному фамильярнаго съ нимъ, его благородіемъ, обращенія; онъ чувствовалъ здѣсь себя униженнымъ во мнѣніи подчиненныхъ ему конюховъ,—и кѣмъ-же, представьте себѣ обиду, безсловеснымъ четвероногимъ—козломъ!—

Офицерское званіе дается въ настоящее время не такъ легко, какъ прежде, такъ какъ отъ выслужившаго свой срокъ унтеръ-офицера требуются теперь нѣкоторыя познанія въ наукахъ, и потому можно надѣяться, что личностей подобныхъ моему герою уже болѣе не встрѣтимъ.—Но къ дѣлу.—Лѣтъ десять тому назадъ, въ городѣ А. существовало одно довольно значительное, казенное управленіе, при которомъ имѣлась конюшня, гдѣ пріютился и *Козелъ*, другъ лошадей, оберегающій ихъ, по старинному народному повѣрью, отъ неласковаго обра-

щенія домоваго.—*Козелъ* этотъ, выросшій въ конюшнѣ, служилъ, въ часы досуга, невинною забавою конюхамъ, дразнившимъ его и потѣшавшимся надъ его уморительными прыжками и неуклюжими увертками, и пользовался даже благосклонностію начальства, къ которому былъ всегда почтителенъ; вообще же вель онъ себя весьма вѣжливо, какъ и слѣдуетъ благоспитанному Козлу.

Во всемъ казенномъ управленіи было только одно лицо невзлюбившее Козла, и это былъ *самъ* смотритель конюшни, *поручикъ С...*—Не взлюбилъ онъ его за то, что *Козелъ*, привыкшій ежедневно, и даже по нѣскольку разъ въ день, видѣть этого господина, не зная о неприкосновенности его благородной особы, полагалъ, что онъ также будетъ съ нимъ играть какъ конюхи, и вельдѣвіе того, боднулъ его однажды, и такъ неожиданно, подервавшись сзади, къ неслуханному удовольствію конюховъ, что его благородіе испугалось и *страшно обидѣлось*.—Обида была смертельная и требовала кровавой мести; но, не смотря на неоднократныя представленія г. смотрителя о бесполезности *Козла*, *котораго онъ обязанъ кормить казеннымъ провіантомъ, экономическимъ образомъ*, такъ какъ на него по положенію не отпускалось раціоновъ, и слѣдовательно, вредить аппетиту двадцати двухъ лошадей, находившихся въ его заведываніи,—высшее начальство управленія, какъ на зло экономическимъ побужденіямъ г. смотрителя, не соглашалось—ни удалить *Козла*, ни же лишить его живота.—Злоба на несчастнаго *Козла* кипѣла на сердцѣ его *благородія* и усилилась еще тѣмъ, что высшее начальство явно покровительствовало *Козлу*. Его благородіе придумывалъ своему врагу всякія истязанія: то совершенно напрасно пнетъ его ногой, то ударитъ палкой, то велитъ его одиночно запереть *) (значитъ посадить въ карцеръ). Но всего этого было недостаточно, злоба душила г. смотрителя и, наконецъ, онъ рѣшился взвести на *Козла* такую напраслину, за которую самъ едва не лишился мѣста... Но къ счастью для него, (но не для *Козла*), дѣло принялоподъ конецъ другой оборотъ, такъ что его благородіе вполне могъ удовлетворить своему негодованію и гнѣву на *Козла*, на котораго онъ не могъ уже хладнокровно смотрѣть.—

Дѣло было такъ. У г. смотрителя должно было не оказалось нѣсколько булей овса, а между тѣмъ кладовая, въ которой овесъ хранился, запиралась его ключемъ, и печаталась его же именною печатью, къ которой никто не смѣлъ прикасаться. Однажды, онъ, умышленно или нѣтъ—незнаю, забылъ запечатать кладовую, а на слѣдующій день поднялъ страшную тревогу, увѣряя, что его

*) Изъ этого современный читатель можетъ усмотрѣть, что г. смотритель былъ человѣкъ передовой, такъ какъ въ то блаженное время одиночное заключеніе за провинности не было еще введено.

кладовая подломана, что доказывается и отсутствием печати. Нарядили домашнее следствие, спрашивали конюховъ, но до обличения кого либо въ похищеніи овса не могли дойти. Тогда то начальникъ, подозрѣвая истину, призвалъ къ себѣ *смотрителя* для личнаго объясненія, такъ какъ признаковъ подлома, кромѣ отсутствія печати, небыло. Къ этому то объясненію смотритель приготовился и тутъ же взвалилъ всю вину на невиннаго *Козла*, будто бы съѣвшаго ночью восковую печать, — чего тотъ, по своей козлиной натурѣ ни какъ не могъ сдѣлать, такъ какъ всякому извѣстно, что козлы весьма разборчивы въ выборѣ пищи и до воска не охотники, а тѣмъ болѣе размятаго съ сажеею, каковымъ запечатывалась кладовая.

Начальникъ, конечно, хорошо сообразилъ все это и еще *коз-что*, и сначала повернулъ было дѣло круто, но потомъ смиловался и, прочитавъ смотрителю строгую нотацию, приказалъ ему немедленно дополнить недостатокъ овса, а *Козла*, прибавилъ онъ въ шутку, — „за съѣденіе печати — отодрать *миньками*.“

Какъ обрадовался такой развязкѣ смотритель, не на шутку уже струсившій за послѣдствія затѣянной имъ исторіи, за которую чуть-чуть не лишился хлѣбнаго мѣста! — Но, слава Богу, все окончилось благополучно и такъ благополучно, что, представьте, читатель, — наконецъ-то ему удается уже не самопроизвольно, а съ разрѣшенія начальства, наказать своего врага — и, на законномъ основаніи, отомстить ненавистному животному. На слѣдующій же день приказалъ онъ, съ церемоніею, вывести на площадь *Козла*, привязаннаго за рога, и, *прочитавъ надъ нимъ ссиптенцію*, поставилъ его въ *два линика*. — Вѣдний *Козель* безропотно, съ философскою покорностію перенесъ незаслуженное наказаніе, — но не могъ перенести обиды, — онъ никогда еще небылъ наказанъ такимъ постыднымъ образомъ, на площади... зачухъ, захирѣлъ, пересталъ забавлять конюховъ и пережилъ свое посрамленіе только нѣсколькими мѣсяцами. П.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Потопленіе судовъ. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, 27-го мая, послѣ полудня, отплылъ изъ г. Рыбинска, внизъ по рѣкѣ Волгѣ, нарусомъ, дощаникъ съ народомъ до 40 человекъ, принадлежащій безсрочно-отпускному унтеръ-офицеру Гаврилову, — но не въ дальнемъ разстояніи отъ селца *Конаева* дощаникъ этотъ, управляемый самимъ хозяиномъ, по случаю быстрого теченія воды и сильнаго вѣтра, наскочилъ на пылъ стоявшей баржи и повисъ на шеймѣ. Испугавшійся народъ бросился на бортъ къ одной сторонѣ дощаника, отъ чего послѣдній зачерпнулъ воды и началъ тонуть. Многіе попа-

дали въ воду, другіе схватились и удержались за веревки и шесты, поданные рабочими съ баржи; въ то же время подошли на лодкахъ рабочіе съ стоявшихъ неподалеку двухъ баржъ и многихъ изъ утравшихъ спасли и вывезли на берегъ, за исключеніемъ трехъ крестьянъ и одного дьячка, которые утонули.

— Въ г. Мологѣ, 27-го мая, затопленъ въ рѣкѣ Волгѣ третникъ съ народомъ и лошадьми, отъ непринятія мѣръ осторожности капитаномъ парохода „*Бывалый*“, товарищества „*Самолетъ*“, который во время переѣзда третника черезъ рѣку, шель отъ Мологской пристани на всѣхъ парахъ и, не смотря на подаваемые рабочими съ третника знаки объ остановленіи парохода на безопасномъ разстояніи, не убавилъ ходу, отчего сильною волною плывшій вблизи парохода третникъ закачалъ и повернуло на одну сторону. Бывшія въ то время на немъ лошади побросались въ воду, и третникъ затонуло, при чемъ утонули: одинъ крестьянскій сынъ, перевозчикъ и женщина.

(См. Поч.)

КАКЪ УНИЧТОЖАЕТСЯ ПЫЛЬ ВЪ КИТАЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ.

Лишь только прелетаетъ дождь на поднебесную землю, въ каждомъ большомъ и маломъ городѣ Китая сотни и даже тысячи мальчиговъ выбѣгаютъ на улицы съ лопатками и сгребаютъ въ кучки образовавшееся изъ смоченной пыли тѣсто. Немедленно являются ручныя тележки людей занимающихся удобреніемъ полей и собираютъ эти кучки, такъ какъ пыль считается однимъ изъ лучшихъ удобреній. Въ случаѣ сухой погоды, улицы смачиваются поливкою и производится тотъ же процессъ обращенія пыли на удобреніе, такъ, что не смотря на необыкновенное движеніе по улицамъ китайскихъ городовъ, тамъ вовсе нѣтъ пыльнаго бича человечества! (См. Листъ г. Казани.)

СУДЕБНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Въ астраханской судебной палатѣ будутъ докладываться слѣдующія дѣла:

14 іюля:

Арестантское:

1) по обвиненію аптекаремъ *Остенгеймомъ* помощника пристава 1 части *Востинскаго* въ вымогательствѣ.

19 іюля:

Уголовное:

2) о нанесеніи жестокихъ побой астраханскому мѣщанину *Фомѣ Евдокимову*.

25 іюля:

3) о подчеткахъ на билетахъ купца *Козлова*, выданныхъ бывшею комиссіею рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ на весеннее рыболовство въ 1 участкѣ эмбенскихъ водъ.

Начало доклада въ 12¹/₂ часовъ.

Въ астраханскомъ уѣздномъ судѣ будутъ докладываться слѣдующія дѣла:

17 іюля:

1) о сопротивленіи и побояхъ оказанныхъ командѣ 1 полицейской части *персіянами*.

2) о подозрѣніи на рядоваго *Тимофѣва* перелезть черезъ заборъ купца *Плотникова*.

3) о безписьменности мѣщанина *Воронова*.

4) о безписьменности мѣщанина *Прянишниковова*.

5) объ ограбленіи казеннаго провіанта съ лодки мѣщанина *Иванова*.

18 іюля:

6) объ ответственности опекуновъ по имѣнію банковской должницы, надворной советницы *Варвары Ганна-Узь-Эггъ*, за дворовыхъ людей ея.

7) о долгахъ астраханскаго мѣщанина *Ивана Матвѣева Усанова* разнымъ лицамъ.

Начало доклада въ 12¹/₂ часовъ.

ПАРОХОДСТВО.

Отправились отъ Астрахани по рѣкѣ Волгѣ вверхъ до Нижняго-Новгорода и попутныхъ мѣстъ пароходы:

Іюля:

7 ч. *Братъевъ Марковыхъ* буксирный пароходъ „*Рыбакъ*“ съ 2 баржами, грузъ до 115,000 п.

13 ч. Товарищества *Лебедь* легко-буксирный пароходъ „*Нѣмецъ*“ съ 1 баржею, грузъ до 25,000 пудъ.

Камско-Волжскаго пароходства:

11 ч., буксирный пароходъ „*Александръ Перецъ*“ съ 3 барж., грузъ до 140,000 пудъ.

13 ч., легко-буксирный пароходъ „*Сормово*“ съ 1 баржею, грузъ до 55,000 пудъ.

Общества *Дружина*:

6 ч., буксирный пароходъ „*Николай*“ съ 3 баржами, грузъ до 85,000 пудъ.

7 ч., легко-буксирный пароходъ „*Святославъ*“ съ 1 баржею, грузъ до 30,000 пудъ.

14 ч., легко-буксирный пароходъ „*Арендаторъ*“ съ 1 баржею, грузъ до 35,000 пудъ.

— Буксирный пароходъ „*Александръ*“ съ 3 баржами, грузъ до 110,000 пудъ.

10 ч., Общества *Кавказъ* и *Меркурій*, легко-буксирный пароходъ „*Пожарскій*“ съ 1 баржею, грузъ до 50,000 пудъ.

11 ч., легко-буксирный пароходъ „*Бекетовъ*“ съ 1 баржею, грузъ до 30,000 пудъ.

Пароходства *Г. А. А. Вальтеръ*:

14 ч., буксирный пароходъ „*Нижегородъ*“ съ 3 баржами, грузъ до 135,000 пудъ.

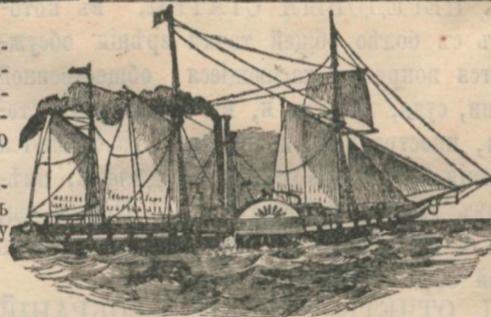
Пароходы, отправляющіеся порожними не обозначаются, а также необозначается грузъ, отправленный на пассажирскихъ пароходахъ.

Оптовые цѣны пароходства, за доставку кладей изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ: за клади тяжелыя или укладистыя, отъ 15 до 18 к. съ пуда, за клади легкія или громоздкія отъ 20 до 30 коп. съ пуда.

Срочное движеніе пароходовъ по Каспійскому морю въ 1867 году.

	О Т Х О Д Я Т Ъ								АСТРАБАДЪ.			
	АСТРАХАНЬ.	4-хъ буторный.	Петровскъ.	Дербентъ.	Баку.	Ленкорань	Астара.	Энзели.		Мешедесеръ.		
Общества «Кавказъ и Меркурій» почтово-пасажи́рскіе пароходы «Великій Князь Константинъ» и «Великій Князь Михаилъ».	ОТХОДЯТЪ.	Среда 7 ч. утра, марта 29, апр. 12, 26, мая 10, 24, июня 7, 21, июля 5, 19, авг. 2, 16, 30, сент. 13, 27, окт. 11.	Среда, по пере-грукъ бага-жа и кладь съ баржи на па-роходъ.	Пятница 8 ч. утра.	Пятница 8 ч. но-чи.	Вторникъ 3 ч. утра, апрѣ-ли 4, 18; мая 2, 16, 30; ю-ня 13, 27, ю-ля 11, 25, ав-густа 8, 22, сентаб. 5, 19, октаб. 3, 17.	Среда 9 ч. утра.	Среда 9 ч. вечера.	Четвергъ 10 утра.	Пятница 7—9 ч. утра.	ПРИХОДЯТЪ.	Пятница 6 ч. ве-чера: апрѣля 7, 21, мая 5, 19, июня 2, 16, 30, июля 14, 28, ав-густа 11, 25, сеп-тября 8, 22, ок-тября 6, 20.
	ПРИХОДЯТЪ.	Среда 7 ч. ве-чера, апрѣля 19, мая 3, 17, 31, июня 14, 28, ю-ля 12, 26, авгу-ста 9, 23, сент. 6, 20, октября 4, 18, ноября 1.	Вторникъ 6 ч. вечера.	Понедѣль-никъ 7 ч. ве-чера.	Понедѣль-никъ 7 ч. утра.	Воскресе́нье 6 ч. утра, ап-рѣля 16, 30, мая 14, 28, июня 11, 25, июля 9, 23, августа 6, 20, сент. 3, 17, октября 1, 15, 29.	Четвергъ 2 ч. утра.	Среда 1 ч. дня.	Вторникъ 10 ч. вечера.	Понедѣль-никъ 2—8 ч. вечера.	ОТХОДЯТЪ.	Понедѣльникъ 4 ч. утра, апр 10, 24, мая 8, 22, июня 5, 19, июля 3, 17, 31, авгу-ста 14, 28, сеп-тября 11, 25, ок-тября 9, 23.
Товаро-пасажи́рскія паровыя шхуны	ОТХОДЯТЪ.	Воскресе́нье 7 ч. утра, апр. 2, 9, 16, 23, мая 7, 14, 21, 28, июня 4, 11, 18, 25, июля 2, 9, 16, 23, 30, авг. 6, 13, 20, 27, сент. 3, 10, 17, 24, октября 1, 8, 15, 22, 29, ноября 5.	Понедѣль-никъ 7 ч. утра.	Вторникъ 7 ч. вечера.	Среда 7 ч. вечера.	Суббота 2 ч. утра.	Воскресе́нье 1 ч. дня.	Понедѣль-никъ 8 ч. ве-чера.	Вторникъ 12 ч. дня.	Среда 7 ч. вечера.	ПРИХОДЯТЪ.	Четвергъ 7 утра, апр. 13, 20, 27, мая 4, 11, 18, 25, июня 1, 8, 15, 22, 29, июля 6, 13, 20, 27, авг. 3, 10, 17, 24, 31, сент. 7, 14, 21, 28, ок-тября 5, 12, 19, 26, ноября 2, 9, 16.
	ПРИХОДЯТЪ.	Среда 7 ч. ве-чера, апр. 26, мая 3, 10, 17, 24, 31, июня 7, 14, 21, 28, июля 5, 12, 19, 26, авг. 2, 9, 16, 23, 30, сент. 6, 13, 20, 27, окт. 4, 11, 18, 25, ноября 1.	Вторникъ 6 ч. вечера.	Понедѣль-никъ 10 ч. утра.	Воскресе́нье 5 ч. вечера.	Суббота 10 утра, апр. 22, 29, мая 6, 13, 20, 27, июня 1, 8, 3, 10, 17, 24, 21, 28, июля 1, 8, 15, 22, 29, авг. 5, 12, 19, 26, сеп-тября 2, 9, 16, 23, 30, окт. 7, 14, 21, 28.	Четвергъ 2 ч. утр. ап. 20, 27, мая 4, 11, 18, 25, июня 1, 8, 15, 22, 29, ю-ля 6, 13, 20, 27, авг. 3, 10, 17, 24, 31, сент. 7, 14, 21, 28, окт. 5, 12, 19, 26, ноября 2, 9, 16, 23.	Среда 3 ч. утра.	Понедѣль-никъ 9 ч. ве-чера.	Воскресе́нье 12 ч. дня.	ОТХОДЯТЪ.	Суббота 5 ч. утра, апр. 15, 22, 29, мая 6, 13, 20, 27, июня 3, 10, 17, 24, июля 1, 8, 15, 22, 29, авг. 5, 12, 19, 26, сент. 2, 9, 16, 23, 30, окт. 7, 14, 21, 28, ноября 4, 11, 18.

Примѣчанія: 1. Если погода позволитъ имѣть сообщеніе съ берегомъ въ Мешедесеръ, то пароходъ останавливается въ этомъ портѣ для сѣзда и пріема пассажи-ровъ, при слѣдованіи изъ Астрахани, по пятницамъ, око-ло 7—9 часовъ утра, а при слѣдованіи изъ Астрабада по понедѣльникамъ, отъ 2 до 8 часовъ вечера.
2. Если вслѣдствіе свѣлаго вѣтра и буруна сѣздъ на бе-регъ въ Ленкорани и Астарѣ невозможенъ, то пароходъ останавливается за островомъ Сара, гдѣ и свозитъ почту и пассажировъ.

3. Если сообщеніе съ берегомъ въ Дербентъ, Мешедесеръ, Ленкорани и Астарѣ, вслѣдствіе свѣлаго вѣтра и буруна, будетъ невозможно, то пароходъ проходитъ первый изъ этихъ портовъ до Баку и сдаетъ грузъ и пассажировъ на пароходъ идущій въ Дербентъ изъ Баку; въ Мешедесерѣ сдаетъ грузъ и пассажировъ при возвращеніи изъ Астра-бада, а для пассажировъ идущихъ въ Ленкорань и Аста-ру заходитъ за островъ Сара и тамъ ссаживаетъ ихъ, грузъ же сдаетъ по возвращеніи.

ИЗЪ АСТРАХАНИ ВЪ ГУРЬЕВЪ И ФОРТЪ АЛЕКСАНДРОВСКЪ.

Пароходы отправляются по одному разу въ каждые два мѣсяца, именно: въ первыхъ числахъ апрѣля, июня, августа и октября; о днѣ каждаго отвала паре-хода объявляется астраханскою конторою заблаговременно. Изъ Астрахани отправляется пароходъ не ранѣе 7 часовъ утра и приходитъ въ фортъ-Александрскій на другой день около 5 часовъ вечера. Оттуда отходитъ въ 9 часовъ утра слѣдующаго дня, приходитъ черезъ сутки около 7 часовъ утра въ Гурьевъ городокъ, гдѣ пароходъ сдаетъ привимаемъ почту въ теченіи двухъ сутокъ. Послѣ того, пароходъ совершаетъ, такимъ же порядкомъ, обратный рейсъ въ фортъ-Александрскій и оттуда до Астрахани.

Примѣчаніе. Кромѣ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій» совершаютъ рейсы между Астраханью и Астрабадомъ несрочно три паровыя шхуны товарищества «Н. Брылкинъ, В. Платоновъ и К^о».

ЛЕГКІЕ ПАССАЖИРСКІЕ ПАРОХОДЫ.

О Т Х О Д Я Т Ъ: Изъ Астрахани въ Нижній. П Р И Х О Д Я Т Ъ: Изъ Нижняго въ Астрахань.

Въ четвергъ, 10 ч. утра.

Во вторникъ около 1 ч. дня.

Въ понедѣльникъ, 7 ч. утра.

Въ четвергъ утромъ.

ТОВАРО-ПАССАЖИРСКІЕ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Имѣю честь извѣстить, до кого касаться можетъ, что завѣдывающій пароходствомъ потомственнаго почетнаго гражданина П. И. КОКУЕВА, на Астраханской пристани, Федоръ Андреевичъ Сорокинъ, болѣе на службѣ при дѣлахъ г. Кокуева не состоитъ.

Евграфъ Ис. Касаткинъ. (2) — 1.

МАГАЗИНЪ ГОРОДЪ „ПАРИЖЪ“

получилъ изъ Парижа, — альпакъ, барезъ, дамскія и мужскія перчатки. Продаются по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ въ домѣ купца Евграфа Лѣсникова, что противъ церкви Рождества Богородицы, на Екатерининской улицѣ. (2) — 1.

ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА

(съ 1-го іюля по 1-е января 1867 г.).

„ГЛАСНЫЙ СУДЪ“.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ

(судебная, земская, политическая, экономическая и литературная. Выходитъ ежедневно въ форматѣ большаго листа).

Прежде всего, для незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, мы должны сказать, что „Гласный Судъ“ газета вовсе не специальная, какъ полагаютъ нѣкоторые. Въ ней, на равныхъ правахъ съ судебнымъ отдѣломъ, существуютъ и остальные — земскій, политическій и внутренній; на все эти отдѣлы обращено одинаково серьезное вниманіе. Названіемъ газеты „Гласный Судъ“, вводящимъ иныхъ въ сомнѣніе, мы только хотѣли выразить, что она, явившись въ свѣтъ почти одновременно съ введеніемъ судебной реформы, держится новыхъ принциповъ, на которыхъ зиждется новый судъ — принципа равноправности всѣхъ и каждого, свободы убѣжденія и свободы слова.

Но задавшись подобными принципами, мы не на нихъ только однихъ основали существованіе нашей газеты; мы, кромѣ того, думали удовлетворить этимъ изданіемъ одной самой настоятельной потребности русскаго общества. Мы не вѣримъ, чтобы въ нашемъ обществѣ не было потребности чтенія; мы, напротивъ, знаемъ, что эта потребность есть, но что наша журналистика положительно и систематически, сама того не вѣдая, стремится къ тому, чтобы убить

въ публикѣ эту потребность. И въ самомъ дѣлѣ, если сравнить число журнальныхъ читателей въ лучшіе годы „Современника“ съ нынѣшнимъ, то выйдетъ дѣйствительно поразительная разница. Нынѣшніе журналы едва смѣютъ мечтать о трехъ-тысячномъ числѣ подписчиковъ, а у „Современника“ число ихъ доходило до восьми. Это произошло и происходитъ отъ того, что современная наша журналистика уступила изъ виду чисто-общественные интересы. Мы, сообразно заданной себѣ цѣли, назвали нашу газету общественной, и этимъ хотѣли показать, что имѣемъ въ виду исключительно одно общество и его интересы. Мы беремъ вопросы такъ, какъ они есть, смотря на нихъ съ нашей собственной, ни чѣмъ не стѣсняемой точки зрѣнія, и свободно высказываемъ свое слово — насколько, разумѣется, это допускается положительными законами. Мы часто оставляемъ въ сторонѣ какой нибудь фактъ, кажущійся нашей журналистикѣ крупнымъ и обращаемъ очень серьезное вниманіе на то, что другимъ представляется мелочью. У насъ разныя точки зрѣнія: тамъ высшія соображенія, очень тонкія и мало кому понятныя, у насъ — живая дѣйствительность, обыденная жизнь общества, его выгоды и невыгоды, его счастье и несчастье. Вотъ почему назвали мы нашу газету „общественною“, и думаемъ, что двѣсти слишкомъ номеровъ ея уже достаточно разъяснили это названіе.

Не называя здѣсь именъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ, мы можемъ только сказать одно: все они люди дѣльные, знающіе предметъ, о которомъ говорятъ, и люди честные.

Сообразно высказанной цѣли, въ составъ „Гласнаго Суда“ входятъ слѣдующаго рода статьи:

I. ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ, въ которыхъ съ болѣе общей точки зрѣнія обсуждаются вопросы, касающіеся общественной жизни, суда, земства и, въ нѣкоторой степени, иностранной политики; разбираются рѣшенія судебныхъ мѣстъ по дѣламъ, имѣющимъ важное значеніе и т. п. Статьи эти, какъ и вообще вся газета, излагаются въ самой общедоступной формѣ.

II. ОТЧЕТЫ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ И УПРАВЪ или извлеченія изъ этихъ отчетовъ, съ разборомъ постановленій земства.

III. СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ ПРОЦЕССЫ, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, представляющіе особенный интересъ. Отчеты эти помѣщаются въ газетѣ ежедневно.

IV. ИНОСТРАННЫЕ ПРОЦЕССЫ,

или имѣющіе какое либо отношеніе въ русской жизни, или вообще представляющіе интересъ.

V. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

VI. ТЕЛЕГРАММЫ какъ внутреннія, такъ и иностранныя.

VII. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ, выписки изъ газетъ, столичныхъ и провинціальныхъ.

VIII. КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

IX. ДѢЛА У МИРОВЫХЪ СУДЕЙ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

X. ЗАМѢТКИ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ изъ области литературы и общественной жизни.

XI. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОЯЖЕНІЯ.

XII. ВИРЖЕВЫЯ ТЕЛЕГРАММЫ.

XIII. НОВОСТИ РУССКОЙ ПРЕССЫ, обзорніе новыхъ книгъ и журналовъ.

XIV. СУДЕБНЫЯ РѢШЕНІЯ.

XV. ФЕЛЬЕТОНЪ. Въ этотъ отдѣлъ, кромѣ сценъ у мировыхъ судей, иностранныхъ процессовъ и библиографіи, входятъ и другія статьи. Для ознакомленія читателей, мы назовемъ здѣсь нѣсколько статей, помѣщенныхъ у насъ въ этомъ году: Зарѣшеточный Миръ, Московская этнографическая выставка, Провинціальное Обзорніе, Изъ московской жизни, Парижская всемирная выставка, Самоубійство какъ преступленіе, Юридическіе Этюды, Судебные слѣдователи въ провинціи, Незаконнорожденные и подкидыши въ Симбирской губерніи, Заграничный Фельетонъ, Русскіе уголовные процессы, Волостной Сходъ, Миѣніе Бокля о Миллѣ, Общество потребителей „Вережливость“, Замятки Незамѣтнаго, Сказаніе о ворахъ, и т. п.

Цѣна за полгода (съ 1 іюля по 1 января) съ пересылкой 8 р. 50 к. с. Желающіе получить газету съ 1 мая, платятъ 12 р. с. Полныхъ экземпляровъ газеты съ 1 января въ редакціи не имѣется, и потому годовая подписка болѣе не принимается.

Полугодовая подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ экспедиціяхъ московскаго и петербургскаго почтамтовъ, но всего лучше, для скорого и вѣрнаго полученія газеты обращаться прямо въ редакцію, адресуя свои требованія: въ Петербургъ, въ редакцію ежедневной газеты „Гласный Судъ“. (5) — 3.

БУКЕТЫ

изъ оранжерейныхъ цвѣтотъ для театра и сюрпризовъ изготовляются въ саду Давыдова. (10) — 2.

СОДЕРЖАНІЕ. Высочайшій Манифестъ. Высочайшія повелѣнія. Разстрѣланіе Императора Максимиліана. 4 іюня 1867 г. въ Еногаевскѣ. Замятка о нѣкоторыхъ ядовитыхъ и мнимо-ядовитыхъ наукахъ астрах. губерніи, К. Зе—азъ. Фельетонъ. Изъ Садовой улицы, Обивателя Садовой улицы. О томъ какъ возла за напраслину показали лиськими. II. Разныя извѣстія. Судебный указатель. Пароходство. Срочное движеніе пароходства. Объявленія.

Дозволено цензурою. Астрахань, 14 Іюля 1867 года.

Издатель Е. Лѣсниковъ.

Типографія Лѣсникова.

Редакторъ П. Капперовъ.